

УДК 81.42, 811.512.157
DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-423-438

Семантика образа орла в современном кинотексте (на материале драмы Э. Новикова «Тойон кыыл»)

Ф. С. Андросова

*Северо-Восточный федеральный университет
имени М. К. Аммосова
Якутск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена изучению семантики образа орла в драме якутского режиссера Эдуарда Новикова «Тойон кыыл» (Царь-Птица). В исследовании применяется лингвокультурологический анализ, структурно-семиотический и интерпретационный методы анализа. Орел является одним из самых древних символов народов мира. Якуты называли орла 'тойон кыыл' (господин птиц) или 'тойон буулуур' (господин, насылающий беду). Традиционные воззрения якутов на хищных птиц имеют определенную двойственность: их почитали и боялись.

В современном контексте образ орла воплощает саму природу, отношение орла и персонажей – отношения людей с природой. В нашем мире наблюдается бездумная агрессия человека по отношению к природе, когда люди пытаются внести свои коррективы. Человечество, как несмышленный мальчик Микииппэр, напугавший в детстве орла, уничтожает мир природы. Но возмездие за это ждет его в будущем.

Делается вывод об основных символах кинокартины, которые связаны с образом орла: солнце, дерево, яйцо. Солнце (маркер верхнего мира) связано с небесной карой, божьим оком. В яйце, плавающем в мировом океане, согласно мифам народов мира, была заключена вселенная. В анализируемой кинокартине яйца символизируют детей, потомство, а следовательно, будущее. Особая роль в кинофильме отводится 'тэңкэ тиит' старой лиственнице, которая являет собой образ мирового древа, а орел на ее макушке выступает маркером верхнего мира.

© Ф. С. Андросова, 2021

Ключевые слова

семиотика, семантика, кинотекст, образ орла, архетипы

Для цитирования

Андросова Ф. С. Семантика образа орла в современном кинотексте (на материале драмы Э. Новикова «Тойон кыыл») // Критика и семиотика. 2021. № 1. С. 423–438. DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-423-438

Eagle Image in the Contemporary Movie Text ("Toyon Kyyl" by E. Novikov as a Case Study)

F. S. Androsova

North-Eastern Federal University

Yakutsk, Russian Federation

Abstract

The article discusses the semantics of the image of an eagle in the drama "Toyon Kyyl" (The Lord Eagle) by a Sakha director Eduard Novikov. The research is based on various methods, including linguo-cultural analysis, structural semiotic analysis, and interpretative methods of analysis. Eagle is one of the oldest symbols used by various peoples of the world. The Sakha called eagle toyon kyyl (lord of birds) or toyon bulur (lord who brings misfortune).

In modern context the image of the eagle represents nature, while the relationship between the eagle and the characters represent the relationship between people and nature. Humanity, just like that young boy Mikiper who scared away the eagle in his childhood, is destroying the natural world. However, the punishment for this act is waiting in the future.

The article discusses the main symbols of the film, connected with the image of an eagle: the Sun, a tree, an egg. The Sun (mark of the Upper World) is connected with divine punishment and divine eye. An egg, floating in the world ocean, contained the Universe inside of it, according to myths of the peoples of the world. In the analysed film the eggs symbolise children, offspring, and thus the future. A special role in the film is given to an old tengke tit larch tree, which symbolises the world tree, while the eagle on its top is the mark of the Upper World.

Keywords

semiotics, semantics, film text, eagle image, archetypes

For citation

Androsova F. S. Eagle Image in the Contemporary Movie Text ("Toyon Kyyl" by E. Novikov as a Case Study). *Critique and Semiotics*, 2021, no. 1, p. 423–438. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-423-438

В современной лингвистике актуальны исследования, выполненные на материале кинофильмов. Это вызвано прежде всего визуализацией современной культуры, в которой аудиовизуальные произведения начинают приобретать большую популярность среди широких масс. Другими словами, передача информации, в частности художественной, которая осуществлялась через печатный текст, приобретает сегодня кинематографическую форму. Как справедливо замечает Т. В. Милевская, в современном обществе всё большую востребованность имеют произведения с вербальной и невербальной составляющими. Следовательно, «процесс интеграции лингвистики и семиотики происходит более ускоренно» [Милевская, Брыксин, 2015, с. 53].

Учитывая, что в широком значении под текстом понимается всё то, в генезисе чего «принимала участие человеческая субъективность: одежда, живописное полотно, произведение архитектуры» [Слышкин, Ефремова, 2004, с. 14], мы обратимся в настоящем исследовании к кинофильму как к тексту. Изучение кинотекста как сложной семиотической системы было осуществлено представителями русской формальной школы (В. Б. Шкловский, Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхембаум и др.) в начале прошлого столетия. Их исследования оказали в последующем большое влияние на формирование концепций кинотекста в трудах ученых семиотического направления (Ю. Лотман, В. В. Иванов, У. Эко и др.).

Как всякое искусство, кино, по мнению исследователей, мифологично, «поскольку конструирует некую воображаемую реальность, наделяемую признаками реальности подлинной» [Трофимова, 2005, с. 249]. Знакомство с традиционной культурой посредством кино может быть весьма продуктивным. Как и любой художественный текст, кинофильм опирается на символические формы, выражающие определенные смыслы.

Данное исследование посвящено изучению семантики образа орла на основе семиотического анализа кинофильма. В исследовании применяется лингвокультурологический анализ, позволяющий изучить данные, в которых проявляются национально-культурные представления о мире, соотносимые с древнейшими архетипическими и мифологическими образами якутской лингвокультуры. Также используются структурно-семиотический и интерпретационный методы анализа.

Сегодня всё больше говорят о феномене якутского кино. За последние годы фильмы якутских режиссеров завоевали немало российских и международных наград, выходят в прокат. Материалом для исследования послужила драма якутского режиссера Эдуарда Новикова «Тойон кыыл»

(Царь-Птица) (2018). Фильм является обладателем многих российских и зарубежных наград¹. Действие фильма происходит в глухой тайге в Якутии в 1930-е гг. К одиноко живущим старикам в начале зимы прилетает орел, которого они не смеют прогнать.

Орел является одним из самых древних символов народов мира. Это универсальный культ [Chevalier, Gheerbrant, 1982, p. 12]. Мифологический образ орла как священной птицы получил развитие и в культуре якутов.

Интерес вызывает название фильма – *Тойон кыыл*. Издревле якуты не называли своими именами священных для них животных и птиц, они использовали эвфемизмы. *Тойон кыыл* – именно так они говорили об орле: «ставший господином (*тойон*) всех с летающими крыльями» [Ионов, 1913, с. 1]. В «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского приводятся следующие выражения, обозначающие орла: '*тойон кыыл*', '*тойон буулуур*', '*көтөр тойоно*' [1927, ст. 2707]. Во всех трех вариантах встречается лексема *тойон*. В указанном словаре данная лексема имеет значения: '*господин, владыка; лицо, облеченное властью, должностная особа, правитель, чиновник, администратор, князь, князец, начальник; военачальник, предводитель, вождь; царь; Господь, Владыка (небесный); барин, боярин, вельможа; хозяин, старший; муж (по отношению к жене) (...)*' [Там же]. Лексема *тойон* содержит смы 'власть', 'почтение', 'превосходство', 'привилегированность'. Следовательно, иносказательные обращения дословно можно перевести как господин диких зверей '*тойон кыыл*' и господин птиц '*көтөр тойоно*'.

Встречающееся также обозначение орла *тойон буулуур* известный этнограф и фольклорист В. М. Ионов связывает с выражением '*насылать*

¹ Приз за лучший фильм – «Золотой Георгий», приз международной ассоциации кинокритиков (ФИПРЕССИ); диплом Федерации кино клубов России по результатам рейтингового голосования – 40-й ММКФ (Москва, 2018); Приз «Лучший режиссер» на I Кинофестивале «Хрустальный источник» (Ессентуки, 2018); Специальный приз «За художественный вклад» на 42-м Монреальском Международном кинофестивале (Монреаль, Канада, 2018); Гран-при Байкальского международного кинофестиваля «Человек и природа» имени В. Г. Распутина (Иркутск, 2018); Гран-при Мирового Азиатского кинофестиваля / Asian World Film Festival, (Лос-Анджелес, США, 2018); Гран-при Международного кинофестиваля им. Шакена Айманова (Алматы, Казахстан, 2018); Победитель XII Фестиваля российских фильмов «Спутник над Польшей» (Варшава, Польша, 2018); Специальный приз II Международного кинофестиваля стран Арктики ARCTIC OPEN «За умение видеть в малом большое» (Архангельск, 2019).

беду' [Ионов, 1913, с. 5], т. е. данное толкование имеет значение 'господин, насылающий беду'. Подтверждением тому является народное поверье, приведенное в этнографическом труде В. Л. Серошевского: «Орла видеть даже нехорошо, а там, где он повадился летать, – не быть добру» [1993, с. 633].

В то же время В. М. Ионов пишет, что для якута орел как «таңара, т. е. дух-покровитель» [1913, с. 2]. В качестве подтверждения он приводит равнозначные выражения в якутском языке, указывающие на связь почитания орла и почитания предков: «тойон (хотой) таңаралаах (имеющий покровителем орла)» и «тойон (хотой) төрүттээх (происшедший от орла)» [Там же]. Иными словами, орел выступает в качестве тотема для определенного рода.

Мир вокруг для якута полон различных примет и знаков. Он воспринимает и истолковывает эти знамения в соответствии с культурной традицией и собственным миропониманием. Старики не только почитали орла, но и боялись: «к хищным птицам (*тыңырахтаах кыыл*) вообще якуты относятся с некоторой боязнью, с почтением. По отношению к орлу это чувство у них переходит в религиозное уважение» [Там же, с. 5].

Традиционные воззрения якутов на хищных птиц имеют определенную двойственность: с одной стороны, их почитали, с другой – боялись. Анализируемую кинокартину условно можно разделить на две части, которые основаны на двойственном отношении к орлу в культуре якутов. Первая часть фильма связана со страхом стариков, в жилище которых неожиданно прилетает орел, а вторая – с его почитанием.

В появлении орла возле жилища предки якутов видели угрозу. Считалось, что орел таким образом мстит 'буулуур' за тяжкие проступки [Ионов, 1913, с. 5–6; Серошевский, 1993, с. 633]. Именно поэтому главные персонажи фильма старик Микииппэр и старуха Оппуос испытывают дикий страх, увидев орла возле своего жилища:

*Сахалар итэбэллэрин быһытынан, хотой ыалы аанньаа буулаабат.
Өлөр, быстар ыалы буулуур*

По поверьям якутов, орел неспроста досаждаёт семьям. Он беспокоит тех, кто умрет в скором времени² (Драма «Тойон кыыл»).

Страхом вызваны и сны стариков:

² Здесь и далее перевод наш. – Ф. А.

Тойон кыыл буулаата, эмээхсин. Түүл-биит да куһаҕан. Хайдах кыстыыбыт быйыл?

Царь-птица покоя не дает, старуха. И снится мне плохое. Как нынче презимуем? (Драма «Тойон кыыл»).

В первое время старики пытаются своими силами избавиться от непрошеного гостя. Как и полагается, защиту они ищут у духа огня:

Оһоххун отун, уоккун умат. Сүгүнүнэн арахпат кыыл буолла быһылаах. Эһэкээңцин көрдөһөн көрбөккүн дуо?

Затопи печку, зажги огонь. Кажется, этот зверь так просто не отстанет. Может, попросить помощи у бабушки? (Там же).

В мифопоэтическом сознании якутов огонь (камелек) выступает медиатором между средним и верхним мирами. Именно через огонь якуты передают свои просьбы божествам верхнего мира.

Старики по-своему интерпретируют свои сны и болезни, связывая все беды с тяжелым духом (аурой) орла: дух человека (смертного) слабее духа священной птицы. После встречи с орлом у проруби от страха слегла старуха:

Ыарахан тыыннаах кыыл, ону уйбакка бу кэбилэнним ини.

С тяжелым духом этот зверь, слегла я, не выдержала (Там же).

Возвращаясь с охоты, Микииппэр издалека замечает, что из трубы его жилища не идет дым: огонь в очаге погас – со старухой случилась беда. Огонь во многих культурах ассоциируется с жизнью и здоровьем, является символом духовной энергии. А очаг (дым) является универсальным символом жизни. Интересно, что дым обозначает также продолжение рода, наличие потомков. Э. К. Пекарский в «Словаре якутского языка» приводит метафорическое выражение *буруота сүттэ*, что интерпретируется как ‘после него никого не осталось’, и поговорку *буруо оннугар буруо хаалла* – ‘на месте дыма дым остался, т. е. потомки остались’ [1958, с. 570].

В младенчестве умирает сын Микииппэрэ и Оппуос. У стариков нет потомства, их род не продолжится. Старик наказан за детскую шалость. Следует отметить, что данная проблема является одним из ключевых мотивов в кинокартине. Тому подтверждением служит сон старика, визуальный ряд которого показан в кинокартине крупным планом: орел, парящий под ясным солнцем; ветка, падающая на землю; пустая колыбель; пустое гнездо птицы. Как правило, целью крупного плана является привлечение внимания к деталям: невозможно не заметить информацию, содержащую-

ся в ней. Фон данного визуального ряда позволяет объекту стать значимым элементом определенного кадра, следовательно, несет определенную семантическую нагрузку: орел на фоне яркого солнца, падающая ветка в густом темном лесу, пустая колыбель в темном жилище, пустое гнездо на увядшем дереве.

Синтагматическую цепочку визуальных символов можно прочесть как текст. Первый кадр визуального ряда сна старика – орел, парящий высоко в голубом небе на фоне яркого солнца. Образ орла, парящего под солнцем, означает солярное божество, которое всё зрит и насылает на грешников кару [Chevalier, Gheerbrant, 1982, p. 13]. Солнце в данном случае выступает как всевидящее око. Более того, одной из основных линий в якутской мифологии является связь орла с солнцем, солнечным божеством *Айыы Тойоном*. По старинным народным воззрениям, к числу божеств *Айыы*, олицетворяющих творческое начало, относят и Горбоносого Орла-творца '*Хомпоруун Хотой Айыы*', являющегося прародителем и покровителем земных птиц-орлов:

(...) *Эриэн түүлээхпит ийэтэ,
Ала түүлээхпит аҕата,
Ходобойдоохпут тойоно* (...)
(...) Мать пестро-крылых,
Отец пего-пестрых,
Господин имеющих маховые перья (...)
[ЯНП, 1976, с. 160–161].

Второй кадр – сухая ветка, падающая на землю. С целью узнать волю божеств *Айыы*, за какие грехи к ним явился господин диких птиц *Тойон кыыл*, старики приглашают к себе шамана. Шаман определяет «грех» старика: в детстве он напугал орла, вьющего гнездо. Реальная деталь – ветка, падающая на землю, – говорит о том, что кто-то залез наверх к гнезду, однако в контексте всего фильма сухая ветвь может быть осмыслена и символически – отсутствие продолжения рода.

Вслед за сухой веткой появляются кадры пустой колыбели и пустого орлиного гнезда. Орел остался без потомства, за что верховные божества решили отомстить старику: пустое гнездо и пустая колыбель означают отсутствие потомков. Интересно, что образы колыбели и гнезда на якутском языке могут передаваться с помощью одного и того же слова *уйа*, а образы детей и яиц – *сымыыт*. Номинация гнезда *уйа* служит метафорой детской колыбели, а детей в фольклоре называют *көмүс сымыыттар* 'золотые или серебряные яички'.

Мотив наказания проявляется и в самом начале фильма: мы видим бубен на фоне камелька, от которого летят искры. Бубен в традиционных представлениях якутов является не просто музыкальным инструментом, но и воспроизводит «модель упорядоченного пространства. Круглая форма бубна, материалы, из которых он был изготовлен (дерево и шкура), наглядно выражали эту идею» [Слепцов, 2009, с. 94–95]. Разлетающиеся во все стороны искры от камелька символизируют детей. В следующем кадре показан сверху дом стариков в глухой тайге – это взгляд орла, который символизирует проявление божьей кары. Орел, увидев сверху дом старика, садится на старую лиственницу рядом с домом.

Чтобы задобрить *Айыы*, шаман наказал Микииппэру забить черного бычка, а его сердце и печень положить на коновязь – *сэргэ* – для орла. Орел ассоциируется с вершиной Мирового древа, которое обозначается в знаковой символике коновязным столбом – *сэргэ* [Габьшев, 1998, с. 17]. Если старик будет прощен божествами, непрошенный гость (орел) должен на третьи сутки покинуть их. Однако орел не улетает.

Переломным, на наш взгляд, моментом в фильме является кадр, когда орел появляется на пороге жилища стариков. В любом жилом пространстве границей своего / чужого миров является порог, который имеет двойную направленность: он обращен к внутреннему миру (своему), но, с другой стороны, – к внешнему, чужому. Пороговые (пограничные) предметы «как бы устанавливали контакт с внешним миром» [Данилова, 2010, с. 21]. Когда наступают сильные морозы, старик Микииппэр обнаруживает, что орел проводит ночь возле трубы дымохода, очевидно, чтобы не замерзнуть. Дымоход (светодымовое отверстие) является также пограничным объектом, осуществляющим связь с внешним миром [Там же]. Накануне Рождества орел появляется на пороге балагана и, не осмеливаясь войти, он какое-то время стоит на границе миров (своего и чужого). Но оказавшись внутри жилища, птица занимает место рядом с иконой в почетном локусе *кэтэбэришин*. Отныне *Тойон кыыл* становится «своим» для стариков: за свою детскую шалость Микииппэр прощается божествами *Айыы*.

Орел, будучи сакральной птицей в верованиях якутов, занимает в фильме локусы, семантически связанные с верхом / югом / востоком, имеющими положительные коннотации. Так, в начале кинофильма орел появляется с восточной стороны, что можно интерпретировать как благоприятный знак; он садится на вершину старой лиственницы, которая растет на юго-восточной стороне от жилища главных героев; старик Микииппэр впервые видит орла напротив входной двери (как правило, вход

в жилище якутов находится с восточной стороны). Восток 'илин' выражает идею желаемой связи с добрыми небесными божествами, так как «все боги, опекуны и дарители благ живут на востоке» [Серошевский, 1993, с. 648]. С восточной стороны находится и *сэргэ*, на которой весной, окрепнув, орел оставляет свою добычу – соболя, песца. В знак благодарности. Страх перед птицей со временем отступает, и старики выстраивают с ним доверительные отношения.

Как было сказано выше, в кинокартине орел прилетает к старикам в начале зимы. Вероятно, он был вынужден (отбилса, состарился, был ранен) явиться к жилищу людей на зимовку, чтобы не умереть с голоду. Известны случаи, когда орел, чувствующий приближение своей смерти, прилетал к людям. В таком случае хозяева должны были кормить его и не прогонять [Ионов, 1913, с. 5]. Старики, как и полагается, кормят орла всю зиму. Место для кормления отводится также с восточной стороны от жилища, со стороны восхода солнца.

Удивление стариков, увидевших орла возле своего жилища зимой, также можно объяснить тем, что образ орла в мифопоэтике якутов ассоциируется с началом весны. Орел первым из всех перелетных птиц прилетает в Якутию, он «является в роли возродителя природы» [Там же, с. 1]. С первым его клекотом отпадает рог мифологического Быка Холода, что олицетворяет начало *саңа дьыл* 'нового года' [Габышева, 2003, с. 11; Ионов, 1913, с. 2].

В культуре якутов орел соотносится с югом / с верхом:

(...) *Дьохсос гына олоро түстэ.*

Тус собуруу (диэки)

Чолойон олорон дьоргуйда:

Чогдоон хара тыа

Туксан тиийэн кэллэ.

(...) Сел с важной осанкой.

Оборотась [прямо] на южную сторону,

Громко заклекотал, подняв кверху голову:

Высокий темный лес

(от клекота) – украсился-улучшился

[ЯНП, 1976, с. 160–161].

Появившись в начале фильма, орел садится на макушку старой лиственницы *тэңкэ тиит*, растущей на краю поляны *алааса* стариков. Образ лиственницы имеет несколько интерпретаций. Воплощением трехуровневой модели вселенной у якутов выступает мировое древо *Аал Луук мас*:

ветви его упираются в верхний мир, ствол символизирует срединный мир, а корнями дерево уходит в нижний мир.

Что касается образа мирового древа в мифологии, то необходимо отметить, что существует два противоположных мнения. По В. Н. Топорову, мировое древо является образом, воплощающим универсальную концепцию мира. С помощью мирового древа во всем многообразии его культурно-исторических вариантов [включая и такие его трансформации или изофункциональные ему образы, как “ось мира” (*axis mundi*), “мировой столп”, “мировая гора”, “мировой человек” (“первочеловек”), храм, триумфальная арка, колонна, обелиск, трон, лестница, крест, цепь и т. п.] во едино сводятся общие бинарные смысловые противопоставления, служащие для описания основных параметров мира» [1980, с. 398]. Иное мнение мы встречаем у Е. Ю. Березкина, который определяет мировое древо не просто как вертикальную ось, но и ось, «которая связывает несколько ярусов мироздания и при этом мыслится твердой. Существенно, что древо проходит сквозь ярусы, служит их стержнем, а не просто касается небосвода» [2003, с. 30–31]. По мнению исследователя, данный образ является специфичным для определенного региона – Северной Евразии.

Представляется, что в фильме старая лиственница являет собой образ мирового древа, а орел на ее макушке выступает маркером верхнего мира – мира *Айыы* (высших существ), поскольку одной из важных характеристик орла является его связь с мировым деревом: место орла (царственной птицы) на мировом древе – на его вершине [Иванов, Топоров, 1980, с. 389]. В культуре народов Сибири лиственница выступает в качестве такого дерева. Известно также, что в верованиях якутов лиственница – это шаманское дерево [Нам, 2016, с. 92]. Как правило, шаманскими считались старые деревья необычной формы, чей срок жизни превышал срок человеческой, такие деревья росли на опушке леса.

Заслуживает внимания обозначение в кинофильме лиственницы как сакрального локуса. Заселившись на родовом *алаасе*, молодые Микииппэр и Оппуос вешают на молодые зеленые ветви лиственницы *салама* (ритуальная веревка из конского волоса, с нанизанными на нее яркими лоскутками материи) в дар духам местности. Со временем *салама* выгорела на солнце, обветшала, лиственница высохла, покрылась сероватой корой, а главные персонажи фильма состарились. Лиственница является свидетелем всей жизни Микииппэрэ, его хранителем. В тот момент, когда старик в гневе на непрошеного гостя хватается за ружье, лиственница своим шумом на ветру предостерегает старика от греха – застрелить орла.

Более того, священные деревья играли важную роль в обрядах жизненного цикла якутов. В якутской мифологии существует описание обряда «изготовление гнезда души ребенка», где очень четко прослеживается формула «дерево-птица» [Ионов, 1913, с. 8]. Считалось, что лиственница может дать душу ребенка. С просьбой о ребенке бездетные женщины обращались также и к орлу. В шаманской мифологии, по сведениям исследователей, именно орел высиживал шаманов на священном дереве, именно орлиными яйцами кормят кут (душу) добрых шаманов на шаманском дереве [Бравина, 2018, с. 68].

По воззрениям якутов, орел выступает защитником. В XVII–XIX вв. в Якутии носили шубы с тотемом в виде орла *хотойдоох сон*. Шили такие шубы из дорогих мехов (рысьего, лисьего, бобрового, тарбаганьего), как правило, мехом наружу [Петрова, 1999, с. 8]. Это был один из самых дорогих женских нарядов. На спине такой шубы имеется вставка с изображением священного орла. Назначение такой шубы было особенным – изображение орла скорее выполняет функцию защитника [Там же]. Такую шубу надевали во время свадебного обряда. Шубу с орлом мог надеть и шаман во время камлания [Петрова, Заболоцкая, 2013, с. 43]. В фильме на одеянии приглашенного для изгнания орла шамана есть изображение двуглавого орла. По сведениям этнографов, на ритуальной одежде якутских шаманов встречаются привески, изображающие духов-помощников в виде птиц и животных. Двуглавый орел является одним из таких духов. Такие привески нашивались «на верхней части костюма, которая обозначает Верхний мир» [Бравина, 2018, с. 78].

В фильме сакральную птицу из озорства застрелили молодые комсомольцы. По поверьям, найденного недалеко от жилища мертвого орла хоронили на лабазе, устроенном на столбах или деревьях *араҕас* [Ионов, 1913, с. 7; Серошевский, 1993, с. 634]. Однако в кинофильме орла хоронят в земле рядом с могилкой, где покоится сын стариков Уйбаан. На холмике его могилы старик ставит деревянный православный крест. Он надеется, что в том мире орел будет заботиться и защищать их сына:

Бу кыылга хаһан да сүгүрүйбэтэхпин сүгүрүйдүм. Анараа дойдуга оҕо-бутун Уйбанчыыгы арчылыа.

Я поклоняюсь этой птице, как никому не поклонялся. На том свете присмотрит он за нашим сыном Иваном (Драма «Тойон кыыл»).

Они вновь остаются одни. У стариков нет больше помощников – ни родных детей, ни орла.

Таким образом, в настоящей работе объектом исследования является современный якутский кинотекст. Представляется, что в анализируемой картине образ орла занимает центральное место и тесно переплетается с архетипами, связанными с верхним миром – солнцем, деревом, яйцом. Используя архетипичные образы, авторы фильма говорят о современных проблемах на языке традиционных символов.

Орел, будучи сакральной птицей в верованиях якутов, занимает положения, которые семантически связаны с верхом / югом: макушка старой лиственницы, крыша жилища рядом с дымоходом, сакральный локус 'кэ-тэбэриин' у западной стены внутри жилого помещения, юго-восточная зона территории жилища стариков.

В современном контексте образ орла, на наш взгляд, воплощает саму природу, отношение орла и персонажей (стариков, комсомольцев) – отношения людей с природой. В нашем мире наблюдается бездумная агрессия человека по отношению к природе, когда люди пытаются внести свои коррективы. Человечество, как несмышленный мальчик Микиипэр, напугавший в детстве орла, уничтожает мир природы. Но возмездие за это ждет его в будущем. Солнце (маркер верхнего мира) связано с небесной карой, божьим оком. В яйце, плавающем в мировом океане, согласно мифам народов мира, была заключена вселенная. В анализируемой кинокартине яйца символизируют детей, потомство, а следовательно, будущее. Особая роль в кинофильме отводится тэңкэ тиит старой лиственнице, которая являет собой образ мирового древа, а орел на ее макушке выступает маркером верхнего мира. Именно старая лиственница является свидетелем всей жизни главного персонажа кинофильма.

Список литературы

Березкин Ю. Е. Об универсалиях в мифологии // Теория и методика архайки: Материалы теоретического семинара. СПб., 2003. Вып. 3. С. 24–36.

Бравина Р. И. Шаманы – избранники небес и духов. Якутск: Бичик, 2018. 160 с.

Габышев Е. С. Культ солнца в мифологии якутов: проблема древних этнокультурных параллелей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. 22 с.

Габышева Л. Л. Слово в контексте мифопоэтической картины мира (на материале языка и культуры якутов). М.: РГГУ, 2003. 192 с.

Данилова Н. К. Якутское традиционное жилище: пространственные и ритуальные измерения: Автореф. дис. канд. ист. наук. Томск, 2010. 25 с.

Иванов В. В., Топоров В. Н. Птицы // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 1. С. 389–406.

Ионов В. М. Орел по воззрениям якутов. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1913. 29 с.

Милевская Т. В., Брыксин А. И. Кинотекст как особая разновидность художественного текста: к постановке проблемы // Таврический научный обозреватель. 2015. № 5. С. 53–55.

Нам Е. В. К вопросу о полисемантической образности дерева в системе мировоззрения сибирского шаманизма // Вестник Том. гос. ун-та. 2016. № 402. С. 88–98.

Пекарский Э. К. Словарь якутского языка, составленный Э. К. Пекарским при ближайшем участии прот. Д. Д. Попова и В. М. Ионина: Та – Туор. СПб.: изд-во Российской Академии наук, 1927. 174 с.

Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1, вып. 1–4. 710 с.

Петрова С. И. Традиционная одежда и мировоззрение наших предков. Якутск: Бичик, 1999. 80 с.

Петрова С. И., Заболоцкая З. М. Народный костюм якутов. Историко-этнографическое и искусствоведческое исследование. Новосибирск: Наука, 2013. 207 с.

Сорошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. М.: Рос. полит. энциклопедия, 1993. 736 с.

Слепцов Е. П. Якутский шаманизм в контексте архаичных символических систем: мифология и ритуал: Дис. ... канд. ист. наук. Якутск, 2009. 208 с.

Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей, 2004. 153 с.

Топоров В. Н. Древо мировое // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 1. С. 398–406.

Трофимова И. В. Мифология в современном кино: визуальное искусство в курсе «культурология» // Зап. Горного института. СПб., 2005. Т. 163. С. 249–251.

ЯНП – Якутские народные песни: В 4 ч. / Сост. Г. У. Эргис и др. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1976. Ч. 1: Песни о природе. 232 с.

Chevalier J., Gheerbrant A. Dictionnaire des symboles. Mythes, rêves, coutumes, gestes, forms figures, couleurs, nombres / Éditions Robert Laffont S.A. et Éditions Jupiter. Paris, 1982. 1060 p.

Список источников

Драма «Тойон кыыл» («Царь-птица», «The Lord Eagle»). Режиссер Э. Новиков, сценарист С. Ермолаев, оператор С. Аманатов. Якутск: Саха-фильм, 2018.

References

Berezkin Yu. E. Ob universal'yakh v mifologii [Universals in mythology]. In: *Teoriya i metodika arkhayki* [Theory and methodology of archaics]. Materials of a theoretical seminar. St. Petersburg, 2003, iss. 3, p. 24–36. (in Russ.)

Bravina R. I. Shamany – izbranniki Nebes i dukhov [Shamans – chosen by the Heavens and spirits]. Yakutsk, 2018, 160 p. (in Russ.)

Chevalier J., Gheerbrant A. Dictionnaire des symboles. Mythes, rêves, coutumes, gestes, forms figures, couleurs, nombres [Dictionary of symbols. Myths, dreams, customs, gestures, forms figures, colors, numbers]. Paris, 1982, 1060 p.

Danilova N. K. Yakutskoe traditsionnoe zhilishche: prostranstvennyye i ritual'nye izmereniya [Yakut traditional dwelling: spatial and ritual dimensions]. Abstract of Hist. Cand. Diss. Tomsk, 2010, 25 p. (in Russ.)

Gabyshev E. S. Kul't solntsa v mifologii yakutov: problema drevnikh etnokul'turnykh paralleley [The cult of the sun in Yakut mythology: the problem of ancient ethnocultural parallels]. Abstract of Hist. Cand. Diss. St. Petersburg, 1998, 22 p. (in Russ.)

Gabysheva L. L. Slovo v kontekste mifopoeticheskoy kartiny mira (na materiale yazyka i kul'tury yakutov) [The word in the context of the mythopoetic picture of the world (on the material of the Yakut language and culture)]. Moscow, 2003, 192 p. (in Russ.)

Ionov V. M. Orel po vozzreniyam yakutov [Eagle in the Yakut worldview]. St. Petersburg, 1913, 29 p. (in Russ.)

Ivanov V. V., Toporov V. N. Ptitsy [Birds]. In: *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. Encyclopedia. Moscow, 1980, vol. 1, p. 389–406. (in Russ.)

Milevskaya T. V., Bryksin A. I. Kinotekst kak osobaya raznovidnost' khudozhestvennogo teksta: k postanovke problemy [On the problem of film as

a literary text]. *Tavrisheskiy nauchnyy obozrevatel'* [*Tavrishesky Scientific Reviewer*], 2015, no. 5, p. 53–55. (in Russ.)

Nam E. V. K voprosu o polisemantichnosti obraza dereva v sisteme mirovozzreniya sibirskogo shamanizma [On the polysemantics of the tree image in the worldview of Siberian shamanism]. *Bulletin of Tomsk state University*, 2016, no. 402, p. 88–98. (in Russ.)

Pekarsky E. K. Slovar' yakutskogo yazyka [Dictionary of the Yakut language]: Ta – Tuor. St. Petersburg, 1927, 174 p. (in Russ.)

Pekarsky E. K. Slovar' yakutskogo yazyka [Dictionary of the Yakut language]. Moscow, 1958, vol. 1, iss. 1–4, 710 p. (in Russ.)

Petrova S. I. Traditsionnaya odezhda i mirovozzrenie nashikh predkov [Traditional wear and worldview of our ancestors]. Yakutsk, 1999, 80 p. (in Russ.)

Petrova S. I., Zabolotskaya Z. M. Narodnyy kostyum yakutov. Istoriko-etnograficheskoe i iskusstvovedcheskoe issledovanie [Traditional Yakut wear. Research in history, ethnography and art]. Novosibirsk, 2013, 207 p. (in Russ.)

Seroshevsky V. L. Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya [The Yakuts. An ethnographic research]. Moscow, 1993, 736 p. (in Russ.)

Sleptsov E. P. Yakutskiy shamanizm v kontekste arkhayichnykh simboli-cheskikh sistem: mifologiya i ritual [Yakut shamanism in the context of archaic symbolic systems: mythology and ritual]. Cand. of Hist. Diss. Yakutsk, 2009, 208 p. (in Russ.)

Slyshkin G. G., Efremova M. A. Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza) [Film as a text (linguistic and cultural analysis)]. Moscow, 2004, 153 p. (in Russ.)

Toporov V. N. Drevo mirovoe [World tree]. In: Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world]. Encyclopedia. Moscow, 1980. vol. 1, p. 398–406. (in Russ.)

Trofimova I. V. Mifologiya v sovremennom kino: vizual'noe iskusstvo v kurse «kul'turologiya» [Mythology in the contemporary cinema: visual art as part of cultural study]. In: Zapiski Gornogo instituta [Mineral Resources Institute Notes]. St. Petersburg, 2005, vol. 163, p. 249–251. (in Russ.)

Yakutskie narodnye pesni [Yakut folk songs]. In 4 vols. Yakutsk, 1976, vol 1: Pesni o prirode [Songs of nature], 232 p. (in Yakut and Russ.)

List of Sources

Film *Toyon kyyl* [The Lord Eagle]. Director – E. Novikov, Screenwriter – S. Ermolaev, Camera operator – S. Amanatov. Yakutsk, 2018. (in Russ.)

Сведения об авторе

Андросова Фекла Семеновна, кандидат филологических наук, доцент, доцент, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (Якутск, Россия)

afs.77@mail.ru

ORCID 0000-0001-9432-4601

Information about the Author

Fekla S. Androsova, PhD, Associate Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation)

afs.77@mail.ru

ORCID 0000-0001-9432-4601